

ШАДР

P39538

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСКУССТВО

М. В. Нестеров

Портрет И. Д. Шадра

А. ЗОТОВ

ШАДР

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

1887—1941

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва 1941 Ленинград

В Третьяковской галлерее в Москве есть портрет Ивана Дмитриевича Шадра работы М. В. Несторова.

Знаменитый художник изобразил своего друга в мастерской, в рабочем костюме, с засученными рукавами. Скульптор пытливо осматривает величественно изваянный обнаженный торс, готовясь последним прикосновением инструмента закончить работу.

Вглядываясь в полотно, узнаешь в этом торсе произведение античной древности, исполненное больше чем две тысячи лет тому назад.

Но почему же живописец поместил в портрете современного человека этот торс?

Раздумывая об этом, я понял, что М. В. Несторов решил подчеркнуть таким путем творческий облик Шадра, главные черты его дарования.

И действительно, Шадр придавал своим произведениям патетическую взволнованность, роднящую их с созданиями поздней античной культуры. Потрясающее напряжение «Битвы богов с титанами» вполне соответствует его творческому темпераменту.

Одна из первых особенностей таланта Шадра — это игра поэтической фантазии, которая, как рудник, была у него через край и, казалось, не имела предела. Ему чудились многочисленные мифологиче-

ты в металле, стекле, камне, стоящие на площадях, на колоссальных зданиях, в глубинах метрополитена, на вершинах гор, хрустальные фонтаны и колоссальные скульптуры из льда, вечно плавающие в водах Арктики. Творческая мечта художника питалась поэзией и романтикой нашей современности; она питалась искренней его верой в неисчерпаемые возможности социалистической действительности.

Главный герой искусства Шадра — человек нашего времени. Шадр любил современного человека, любил его за силу и страстность, за высоту мысли и чувств, с какими он отдается выполнению великих задач, за силу воли, не останавливающейся ни перед какими препятствиями.

Иван Дмитриевич Иванов (1887—1941), принявший впоследствии псевдоним Шадра, — по имени города Шадринска, — родился в семье плотника и мальчиком был отдан на службу в купеческое заведение для обучения торговому делу.

Еще в отроческие годы он увлекался рисованием и театром. Но мог отдаваться этим увлечениям, так же как и чтению, только урывками.

Несмотря на свою бедность и грубость окружающей среды, четырнадцатилетний подросток упорно боролся за осуществление своей мечты — стать художником или актером.

Просиживая ночами за тетрадями и учебниками, мальчик самостоятельно подготовился к поступлению в Екатеринбургскую промышленную школу. После злоключений и скитаний ему удалось окончить это учебное заведение. Девятнадцатилетний юноша в 1906 году попал в Петербург.

Памятник В. И. Ленину в ЗАГЭС'е

Проект памятника А. М. Горькому
(Фрагмент)

Первое время пребывания будущего скульптора в столице было особенно тягостным. Он не мог найти себе применения в большом городе. «Пришлось голодать, зябнуть и спать на улицах... — вспоминал Шадр. — Ночуя на берегах Невы, под старой баркой, в окружении бесприютных бродяг, я познакомился с шарманщиком. Впроголодь, с обсыпанной на плечах, с полумертвой от истощения носительницей чужого счастья в животе ходили мы по дорогам столицы, и под «Златые горы» и пел».

Голос юноши услышал артист М. Е. Дарский, помогший ему затем устроиться на Высшие театральные курсы. Перед Шадром открылась театральная карьера. Успешно выдержав конкурсные испытания, он был принят в труппу Московского Художественного театра. Актером он, однако, не стал: страсть к изобразительному искусству взяла в нем верх.

Узнав на театральных курсах знаменитых русских актеров — Савину, Варламова и Давыдова, он познакомился через них и с художниками Решным, Рерихом, Головиным. Художники помогли ему отправиться за границу для обучения скульптуре.

В 1910—1913 гг. Шадр посетил главнейшие города Европы. В эти же годы он занимался на Муниципальных высших курсах скульптуры и рисования в Париже и в Институте изящных искусств в Риме. Год за годом, в упорном труде он раскрывал свой талант художника-романтика.

Взволнованный событиями мировой войны 1914—1918 гг., скульптор задумал проект гран-

диозного сооружения — «Памятник человечеству, идущему через горнило страданий к вершинам совершенства и счастья на земле».

Монумент был им разработан в рисунках, чертёжках и описаниях. Его замысел встретил поддержку А. М. Горького.

В первые годы Октябрьской революции Шадр выступал с публичными докладами, изъясняя общую идею и художественные особенности своего проекта.

Незадолго до смерти скульптора мне пришлось говорить с ним об этом проекте. Он с увлечением описал мне замысел своей молодости и при этом чертил на бумаге фасад и план колоссальной башни, уходящей глубоко в землю. Входя в этот своеобразный музей, зритель должен был оставить обыденные интересы и проникнуться мыслью о судьбах человечества, судьбах мира. Проходя по причудливым переходам и лестницам, подобно тому, как это делал Данте, путешествовавший по сферам ада, он созерцал в полутьме потрясающую душу картины людских страданий.

Я помню один из рисунков Шадра, изображающий деталь памятника. Титаны держат на плечах тяжесть сооружения, закрывши лица руками, они рыдают над муками, разлитыми повсюду. Картины разворачивались одна за другой, показывая страдания человечества от древнейших времен до современной цивилизации.

Настроение сгущалось по мере продвижения зрителя из зала в зал. Последние помещения, расположенные, по мысли Шадра, глубоко под землей, погружены были в темноту. Здесь шли

со свечами, отыскивая дверь за дверью. Спустившись в самый низ, зритель отрывал, наконец, последнюю дверь, и здесь его ослеплял яркий свет солнца и неба. Он видел себя в сияющем круглом зале, куполом которого был небесный свод. Скульптура и живопись говорили здесь о лучших надеждах людей, о радости и счастье человечества. Таким образом, зритель покидал памятник мировому страданию с верою в счастливый исход судьбы человечества.

В этом грандиозном замысле много еще было от мечтаний предреволюционной поры, но светлая, гуманистическая мысль, пронизывающая его, была овеяна ожиданиями новой эпохи.

Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно сформировала талант Шадра. Она дала идейное содержание его творчеству и вызвала тот пафос, который составляет отличительную черту Шадра как художника нашей эпохи.

В 1920—1923 гг. скульптор исполнил бюсты «Рабочий», «Крестьянин», «Красноармеец» и «Сельтель». Эти превосходные работы получили широкую популярность и были воспроизведены на советских денежных знаках, почтовых марках и облигациях Первого крестьянского займа. Таков был первый его вклад в советское изобразительное искусство.

Традиционным русским типам Шадр сообщал новую и своеобразную мужественную красоту.

Можно без преувеличения сказать, что в этих работах Шадр первый наметил в скульптуре основные черты нового, советского понимания народных типов.

Таким же новым пониманием трудящегося человека, его ведущего положенным в социалистическом обществе проникнута была и его большая статуя «Рабочий», демонстрировавшаяся на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. в Москве.

С январских дней 1924 г. Шадр приступил к работе над одной из главных, основных своих творческих тем — над созданием образа великого Ленина.

Прежде всего он вылепил замечательный этюд — «Ленин в пробу». Голова Ленина, лежащая на подушке, исполнена величественного спокойствия; высокая мысль, кажется, не оставила его лица, и только полная неподвижность свидетельствует о смерти. Скульптор трудился над этюдом, находясь непрерывно двое суток у гроба вождя в Колонном зале Дома союзов.

С этого времени работа Шадра над образом Ленина не прекращалась до самого конца его творческой деятельности.

В 1926 г. Шадр исполнил большой памятник В. И. Ленину, установленный на плотине Закавказской гидроэлектрической станции — ЗАГЭСа. В этой статуе выражен бурный революционный темперамент Ленина.

Фигура В. И. Ленина не только внешне связана у Шадра с сооружениями плотины электрической станции, служащей колоссальным ее постаментом, но эта связь идет много дальше и глубже. Она составляет внутреннее содержание всего монумента в целом. Скульптор отразил в образе Ленина нафос социалистической индустриализа-

А. М. Горький

Портрет народного художника Н. А. Касаткина

ции страны, пафос восстановления народного хозяйства — главнейшую общественно-политическую идею того времени. Образ несет черты внутреннего подъема, мощной революционной романтики, которая вообще стала одной из отличительных черт советского реалистического искусства. Этот памятник справедливо выдвинул Шадра в первые ряды лучших наших скульпторов.

Образ человека, поднявшегося к великой общественно-исторической жизни, волновал Шадра всю жизнь и как нельзя более был близок биографии самого скульптора.

Иван Дмитриевич понимал, что его жизненный путь от мальчика-подростка в купеческой лавке к известности художника, занимающего выдающееся положение в обществе, был накрепко связан с Октябрьской революцией. Он знал, что его судьбу, подобно судьбе многих тысяч трудящихся, изменила Великая Октябрьская революция, поднимая его на вершины жизни и творчества. Может быть, поэтому-то он и придал голове рабочего в своей скульптуре «Бульжник — оружие пролетариата» черты своего собственного лица.

Статуя «Бульжник — оружие пролетариата» (1927) явилась одной из первых попыток художественного обобщения событий революции 1905 года в скульптуре. Статуя Шадра изображает русского пролетария, поднимающего с земли камень, чтобы сразить им врага. Фигура исполнена суровой решимости.

Скульптор стремился вложить в этот образ значительное внутреннее содержание, чтобы сделать его художественным воплощением больших истори-

ческих событий. Эта работа является украшением Центрального музея В. И. Ленина в Москве.

Среди многих произведений на эту же или близкие ей темы скульптура Шадра отличается оригинальностью мысли, яркой жизненностью выражения и страстным пластическим темпераментом автора.

К 1929 г. относится создание аналогичной композиции — «На штурм земли» (Музей революции СССР), изображающей мощный трактор, поднимающий целину.

Эта скульптура — художественное олицетворение великого перелома в жизни крестьянской России, перехода ее на путь социализма — опять-таки одна из смелых творческих попыток художественного обобщения событий нашей эпохи.

К 1930 гг. относится великолепная статуя «Рабочий-сезонник», установленная ныне в северных Красных воротах в Москве.

В это время миллионы крестьян вышли на промышленное и городское строительство.

Внушительная фигура типичного русского крестьянина, пришедшего в город на стройку, отличается крепостью и мужественной силой.

В создании этой фигуры Шадр исходил от традиционных черт русского мужика, но как далеко этот крестьянин от тех обездоленных людей, которых изображали дореволюционные художники! Сколько внутреннего достоинства и уверенности выражено в этом труженике, сознающем высокое общественное назначение своего труда! Глубокая сознательность — это уже новая черта человека эпохи социализма.

Наиболее романтичным произведением Шадра является Серго Орджоникидзе (1937). Скульптор выразил в нем энергию и благородный гуманизм большевика.

Необычайное, порывистое движение фигуры, борющейся с могучим напором ветра, вызывалось здесь и характером сюжета. В один из тяжелых походов периода гражданской войны отряд красноармейцев подобрал на своем пути осиротевшего, беспомощного младенца. Серго нес ребенка на своих руках, упорыв его от ненастья теплой буркой. Этот случай и послужил Шадру сюжетом его скульптуры. Страстная взволнованность выражена во всей фигуре Орджоникидзе.

Бурные, «клокочущие» формы этой статуи, столь редкие вообще в скульптуре, может быть, и вызывают некоторые возражения, но голова Орджоникидзе с пышными кудрями хранит выражение душевной энергии и полна юношеской красоты.

В 1938—1939 гг. новая прекрасная тема взволновала творческое воображение скульптора: памятник великому нашему писателю Алексею Максимовичу Горькому.

Эта работа особенно захватила его. Шадра объединяемо с Горьким не только известное сходство их биографий, но и родство творческих идей — провалению перед сильным, прекрасным человеком, созданным социалистической революцией, стремление к возвышенному реализму в искусстве.

Горький живо интересовался советским изобразительным искусством. В 1933 г. он посетил вы-

ставку «Художники РСФСР за 20 лет». Отдел скульптуры привлек тогда особое его внимание.

В беседе со скульпторами Горький выдвинул мысль о необходимости известной идеализации современного человека в искусстве. «Греки вовсе не были такими, как изображали их античные художники, обладавшие хорошим воображением, — говорил он. — И наши художники не должны бояться некоторой обобщающей идеализации в искусстве советской действительности и нового человека; особенно в скульптуре, больше чем в других видах искусства, элемент идеализации должен иметь место. Ибо в наш век человек делает столько прекрасного и чудесного, что искусство должно найти новые формы воплощения этого человека и им создаваемого»¹.

Когда правительство СССР постановило соорудить монументальные памятники писателю в Москве, Ленинграде и городе Горьком, советские скульпторы с увлечением отдались выполнению этой задачи. На конкурс по московскому памятнику было представлено более тридцати проектов, среди которых работа Шадра получила наиболее благоприятную оценку советской общественности.

Скульптор проектировал памятник на Манежной площади столицы, откуда берет свое начало улица Горького. Бронзовая шестиметровая фигура изображала писателя в последний период его жизни. Стоя с обнаженной головой, посреди мно-

¹ „Горький об искусстве“. Государственное изд-во „Искусство“, 1940, стр. 244.

Булыжник — оружие пролетариата

Красноармеец

голюдной площади, Горький с удовлетворением
выражает на нового человека и новосозданную жизнь.

С удивительным художественным обаянием об-
рисован в лице Горького гуманист, борец и мыс-
литель — носитель великих и прекрасных черт
русского народа. Лицо просветлено глубокой
мыслью, а весь образ исполнен душевного подъема.

Бронзовая скульптура, по мысли Шадра, дол-
жна была быть поставлена на плыбу гранита,
символизирующую народные недра, породившие
писателя.

Фигура должна была возвышаться в окружении
гигантского венка, изваянного в камне и поло-
женного прямо на асфальт основания. На венок
предполагалось поместить надписи на различных
языках народов СССР.

По мысли скульптора памятник изображал все-
народный триумф русского гения.

Второй проект памятника Горькому для города
Горького отличается другими чертами. На этот
раз скульптор изобразил Алексея Максимовича
в его молодые годы. В первое мгновение бросае-
тся в глаза сходство писателя с обликом русского
заводского рабочего предреволюционной поры, и в
то же время образ вызывает невольное сравнение
с «Буревестником» Горького, так много в нем
внутреннего напора, страсти и смелого вызова.

К числу наиболее выдающихся работ Ивана
Дмитриевича относится также его эскиз к памят-
нику А. С. Пушкина в Ленинграде, начатый в
1939 г. Это необыкновенно живой и остро вы-
разительный набросок фигуры поэта во весь
рост. Увидевши эскиз хоть однажды, его уже

нельзя забыть, настолько проникновенно изобразил здесь художник великого национального поэта.

Пушкин в понимании Шадра — это не созерцатель и не одинокий мыслитель, он прежде всего — вдохновенный пророк своего народа, поэт, предчувствующий великое будущее своей родины.

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пенительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Постановка монумента предполагалась в центральной точке Ленинграда — на берегу Невы, между роstralных колонн, перед зданием Биржи. Скульптору хотелось включить пьедестал памятника в барьер набережной. Подобный памятник, продолжая линию, намеченную в «Медном всаднике» и других монументальных памятниках Ленинграда, должен был свидетельствовать о дальнейших судьбах России — о ниспровержении царизма, о Великой социалистической революции. Увы, скульптору так и не пришлось закончить пушкинский монумент в Ленинграде!

Последняя босышая работа И. Д. Шадра «Красноармеец» — эскиз колоссальной статуи, предназначенной для установки на одном из крупнейших зданий столицы и поэтому рассчитанной на сильный, четкий силуэт.

Иван Дмитриевич стремился обрисовать в ней современного нашего юношу-красноармейца, выразить идеал воина — защитника и стража Советского Союза.

Фигура, в шинели и шлеме, с оружием в руках. исполнена необыкновенной внушительности. Это наше молодое поколение, прошедшее советскую жизненную школу. Оно проникнуто сознанием долга, священного долга перед отечеством. Оно готово отразить нападение врага, с какой бы стороны оно ни последовало, и оно действительно героически оправдывает его в наши дни. Ясность и чистота, с которыми выражена Шадром идея Красной Армии, делают эту скульптуру олицетворением волевого могущества нашей страны.

Наряду с монументальной скульптурой Шадр выполнил ряд отличных портретов, в том числе портрет своей матери, художника Н. А. Касаткина, Л. В. Красина и др. Ему же принадлежат и несколько надгробных памятников.

Осенью 1940 г. Иван Дмитриевич тяжело заболел. Вскоре обнаружилось, что дни его сочтены.

3 апреля 1941 г. на собрании московских художников было объявлено, что Ивана Дмитриевича Шадра не стало.

В творчестве И. Д. Шадра особенно ясно сказались живая, народная природа советского искусства. Выйдя из толпы народных масс, как талант-самородок, усвоив высокое художественное мастерство, он не превратился в узкого профессионала; до последних дней своих не терял он духовной связи с народом. Неуставная работа его поэтического воображения, творческая совесть, никогда не успокаивавшаяся на достигнутом и побуждавшая его искать решений коренных вопросов советского искусства, жертвенное служение передовым идеям социализма, своей родине, сво-

ему народу рисуют в его лице обаятельный образ современно нашего художника.

Памятник Ленину в ЗАГЭСе, фигура «Булжик — оружие пролетариата», серия портретов А. М. Горького, эскиз к памятнику А. С. Пушкина, отражающие передовые устремления нашей эпохи, навсегда вписали имя Ивана Дмитриевича Шадра в историю советской культуры. И когда я пишу эти строки, в моей памяти возникает высокая мускулистая фигура всегда взволнованного Шадра, его пронизательные и добрые глаза, ясная, доверчивая улыбка, дымящаяся палитрса в нервной руке, и мне вновь слышатся нескончаемые трагикомические рассказы о его юношеских скитаниях.

Как интересно было слушать эти рассказы, порой сопровождавшиеся рисунками или переходившие в своеобразные театрализованные сцены! В эти минуты в нем сказывался актер, воспитанный театральными курсов. Но Шадр как бы стеснялся проявлять это свое второе дарование. Изображая себя в юношеские годы, он неизменно все представлял в комическом свете, подтрунивая над самим собой. В его рассказах было много живой и талантливой импровизации.

Интереснейший дневник и записки его пока еще не изданы, да и его творческий портрет еще не раскрыт как следует. Надо надеяться, что в ближайшие годы будет подготовлена большая монография, посвященная этому выдающемуся мастеру советской скульптуры.